

В мае месяце 1931 года нас посадили на бричку (всё наше богатство) и повезли в ссылку. У мамы было уже пять детей, старший Николай учился в Новосибирске и не попал в ссылку. А мы с мамой на руках держали по ребёнку – это были близнецы по 6 месяцев и сестре было 5 лет. Отец считал, что ссылки можно избежать, куда-то уехал. Нас увезли в Рубцовку, в какое-то большое здание, там было много народа, а ночью отец прибыл к нам. До Томска везли в телячьих вагонах, там погрузили на баржу, битком набитую людьми, везли по Оби. И горе было матери с маленькими детьми. Сколько везли водой я не помню. Выгрузили в Баранаково под чистое небо. У кого были палатки – натянули их. Это было на Троицу. На утро выпал снег. Дети простыли, заболели, да и кормить их было нечем. Эти люди, тем более дети, никому не нужны были. Их везли туда, чтобы они никогда не вернулись.

Потом погрузили людей на маленькие баржи, довели до Усть-Бакчара по р. Чая. А на место постоянного жительства сказали добираться самим. Отцу сказали, что он и другие должны добраться до Бундюра. А туда была только тропа. Прорубали, настилали настил и ехали два дня.

В Бундюре дали под усадьбу участок тайги, там поставили палатку и жили пока не построили землянку. Девочки-близнецы умерли через три дня. Ещё не достроили землянку, произошло ужасающее событие. Откуда-то появилась банда. Каратели собрали мужчин, которые были дома, приказали лечь на землю и стреляли через одного. Убили 8 человек. Наш отец ушёл лесом, вышел в Усть-Бакчаре и его угнали в Томск, где судили. Дали 10 лет. Последние годы отбывал на Беломорско-Балтийском канале. Пришёл зимой 1937 года.

Мы с мамой и Варей остались в недостроенной землянке голодные и холодные. Но добрые люди нам помогли. К зиме сделали печь, битую из глины, нары и столик. Вот так мы и жили до прихода отца из лагеря.

С мамой ходила на работу, а было мне всего 12 лет. Ходила заготавливать мох для строительства, пилили дрова. Мама меня брала, чтобы заработать лишнюю ложку муки. Жили голодно – летом суп из крапивы, а зиму ещё было трудней пережить, ели мясо дохлой лошади. Спасибо соседке, она нас не бросала.

Закончила 7 классов, пошла работать в колхоз на свинарник.. Поступать учиться дальше я не могла, так как у меня за последнюю четверть по дисциплине был «неуд». А получила его за то, что собралась сбежать на родину. Бедная мама. Она хотела мне лучшего, но не знала, что бы меня там ожидало. Кулацких детей даже родственники боялись принимать. Но меня Бог спас от такой участи. Комендант направил меня учиться в Колпашевскую школу ясельных сестёр. Я поступила и училась там два года. На втором курсе мне разрешили работать. Я училась и работала. Это были самые счастливые дни моей жизни...»

Из воспоминаний сестры - Кодиной Варвары Ивановны, 1926 г.р., проживающей в пос. Обской Чаинского р-на.

«Знаю фамилии нескольких человек (по рассказам матери и односельчан), расстрелянных карателями в Бундюре в 1931 году. Это – Филонов (Алексей?), Казарцев (Иван?), Зимин. После расправы с сельчанами многих забрали в тюрьму. Отца должны были расстрелять, но по приказу Сталина отправили строить Беломорско-Балтийский канал вместе с другими осужденными. Один раз в два-три месяца от него приходила открытка со скудными сведениями о своей жизни. Пришёл к Рождеству 1937 года. С Томска шли пешком (несколько человек). По окончании работ выдали немного денег, по две пары новой одежды, хороший полушубок, свитер, брюки, валенки и сапоги. Отец рассказывал, что когда пустили первый пароход, прибыл Сталин и дал приказ отпустить заключённых, но не всех, многих перевели на Каспий. Как мы выживали эти годы? Стали организовывать колхозы. Кто не вступал в колхоз – ссылали дальше в тайгу, так образовались деревни Осиновка и Петровка. Мама сразу вступила в колхоз, ей предложили работать свинаркой, а было на подворье всего 4 супоросные свиньи. Работала добросовестно, был сохранён весь приплод. За это ей дали премию – 1 поросёнка. Мы его вырастили, а председатель колхоза «Победа социализма» Бредихин посоветовал сдать его в сельпо, а купить тёлочку. Когда она отелилась, нам стало жить полегче. Мама работала на двух работах: днём в колхозе, а ночью с другими женщинами

расчищали участки под строящиеся дома, шкурили лес, жгли мусор. Строили сначала комендатуру, потом больницу.

Отец, вернувшись из лагеря работал в школе истопником и рабочим. А потом работал паромщиком летом, а зимой сторожил овец. Тяжёлую работу он выполнять не мог по состоянию здоровья – весь его живот был в грыжах. За полученную при освобождении из лагеря одежду отец был безмерно благодарен Сталину, т.к. тогда и позже люди считали, что приближённые Сталина не докладывали вождю об истинном положении дел в стране.

Я работала вместе с ним на пароме, а зимой в животноводстве. Поили коров 200 голов тёплой водой, воду носили с реки с проруби – 200 ведер. Затем работала на откорме телят.

За труд получала медали и премии, работала без выходных и отпусков, а пенсию получила минимальную.

Обидно, сколько жизней загублено, здоровья подорвано, вручную разрабатывали поля, пастбища, а сейчас всё зарастает бурьяном, деревни вымирают... 9 июля 1997 года.»

Кодинцева Варвара Ивановна: Указом ПВС СССР награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; Постановлением Бюро Томского обкома КПСС и облисполкома по результатам работы за 1965 год присвоено звание «Лучший пастух области»; В 1966 году награждена значком «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР».